

разостланными богатые ташкентские ковры, приготовленные для нашего ночлега. Скоро загорелся и приветливый огонёк посреди юрты, принадлежавшей, как я узнал, не султану, резиденция которого была ещё гораздо далее, а богатейшему из жителей этого аула. Общество, окружившее очаг, состояло, кроме прибывших со мной, из хозяина юрты, двух почётнейших киргизов аула и двух чолоказаков. Прежде всего явился кумыс, потом мы пили чай, а затем было подано обычное выражение гостеприимства — баранина. Султан совершил свою молитву, затем нам подали красивые бухарские медные кумганы (рукомойники), и мы все умыли руки и принялись за свой ужин, после которого хозяева юрты и жители аула удалились, а мы с султаном улеглись на приготовленные для нас шёлковые подушки. Огонь погас. Через верхнее отверстие юрты мы увидели заблиставшие звёзды. Под унылый и монотонный напев киргизов, охранявших окружавшие нас стада, сон очень скоро овладел нами. Только после полуночи я был пробуждён страшной тревогой: слышались крики людей, отчаянный лай всех собак аула и, наконец, испуганные голоса всех домашних животных аула: ржанье лошадей, рёв быков и верблюдов, блеянье овец, — одним словом, такой дикий вокальный концерт, какой мне привелось слышать только один раз в моей жизни. Все находившиеся на ночлеге в юрте выбежали из неё, кроме меня и султана, спавшего подле меня крепким сном на своих шёлковых подушках и едва проснувшегося уже после меня. Через несколько минут после того около самой юрты раздался громкий выстрел, и я мог распознать причину тревоги, так как все киргизы, узнав ночного гостя, кричали: «аю», «аю»; это был медведь, забравшийся в стадо, которое паслось в нескольких шагах от нашей юрты, выдвинутой далеко вперёд от всего аула. Испуганный выстрелом моего конвойного казака, медведь предпринял быстрое отступление, похитив только одного барана. От киргизов я узнал, что накануне в том же самом часу тот же аул подвергся нападению другого медведя, которому, однакоже, не удалось так дёшево отделаться от преследования. Киргизы окружили его со всех сторон и убили. Трофеем их вчерашней победы — прекрасная медвежья шкура была принесена и разостлана передо мной и султаном Адамсартом.

28 августа поутру я быстро доскакал на киргизском коне до отстоявшего в пятнадцать верстах от аула Терсаканского пикета, сел в свой тарантас, доставленный с Коксуйского пикета, где он оставался на время нашей поездки на Аламан, и продолжал свой путь по пикетной дороге к Верному. Через один перегон в тридцать восемь вёрст я достиг Алтынэмельского пикета. Пикет этот замечателен тем, что лежит у подошвы сильно понизившегося Семиреченского Алатау, прямо против горного перевала Алтынэмель, через который шла караванная дорога в Кульджу. Второй перегон этого дня от Алтын-эмеля до Куянкуза составлял ещё двадцать семь вёрст. Дорога шла дугой по степи, избегая продолжения Алтынэмельского кряжа, и привела меня уже после солнечного заката на Куянкузский пикет, на котором я и остановился на ночлег.